

Валерий Киселев
Осколки памяти

рассказы

Валерий Киселев

Осколки памяти. Рассказы

«Издательские решения»

Киселев В.

Осколки памяти. Рассказы / В. Киселев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907213-9

Рассказ «Простите пехоте...» — по крупицам собирая подробности этого боя, автору удалось правдиво передать атмосферу войны. «Белые журавушки» и «Сердце подскажет» — необычные судьбы людей, с которыми он встречался во время походов по местам сражений Великой Отечественной. Дипломом лауреата Всероссийского литературного конкурса «Светлые души» отмечен рассказ «Осталось чиркнуть спичкой», а рассказ «Цветное фото с красивой девочкой» попал в число лучших на литературном конкурсе «Дама с собачкой».

ISBN 978-5-44-907213-9

© Киселев В.
© Издательские решения

Содержание

«Простите пехоте...»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Осколки памяти Рассказы

Валерий Киселев

© Валерий Киселев, 2018

ISBN 978-5-4490-7213-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Простите пехоте...»

В это утро солнце встало багровое, словно напитавшееся кровью, и рядовому Сереже Кислякову невольно подумалось: сегодня его последний день, сегодня и убьют.

В первые дни на фронте ему, по молодости, и в голову не приходило, что и его могут убить, хотя за два года войны много чего успел повидать, и под пулями побывал, когда с беженцами шел из Киева по степи к Таганрогу. Тогда немецкий летчик, словно издеваясь, расстреляв все патроны, хотел прибить его выпущенными шасси, заходя так низко, и с таким ужасающим воем, что обмирала душа. А он упал всем телом в грязь, уткнувшись лицом в лужу, и выл от злости и страха. Случалось, бомбы рвались так близко, что, казалось, вся земля-то переворачивается, но – ему везло тогда, летом сорок первого. До Ростова дошел с беженцами, потом оказался в Краснодаре, там осень и зиму работал на военном заводе, мины точил – быстро научили вернувшиеся на завод старики. Потом, летом сорок второго, снова с беженцами до Баку, там, за станком, повзрослел еще на одну зиму, да совсем захудал с голодухи и в зиму сорок третьего стал проситься на фронт, хотя по возрасту еще не подходил – только-только семнадцать исполнилось. Прибавил себе несколько месяцев, это было и нетрудно, так как документы потерял при бомбежке под Армавиром и новые выправляли ему с его же слов.

На фронт Сережа Кисляков рвался не только потому, что надо было Родину защищать, но и по той простой причине, что жизнь в тылу была настолько голодная, что есть хотелось все время, а аппетит был волчий, случалось – буханку хлеба в один присест съедал, если, конечно, была она, эта буханка. А на фронте, надеялся, хоть и кашей, но кормить должны досыта. Тогда – что убьют его – не думал, даже верил почему-то, что с винтовкой, а если повезет, то и с новеньким ППШ, он не поддастся никакому немцу, и часто вспоминал того летчика, сжимая кулаки: «Был бы винтарь...»

Но попасть в армию, еще не означало попасть сразу на фронт. Полгода постигал Сережа пехотную науку в запасном полку. В армейском довольствии разочаровался быстро: кормили в «запаске» плохо, а гоняли так, что засыпали в продуваемой насквозь казарме, едва дойдя до нар, порой не помнил, как и сапоги снимал.

Но и на фронт прибыли – опять не означало, что тут же в бой, не будет больше надоевших и бессмысленных, как ему всегда казалось, тактических занятий, нарядов по заготовке дров, отдохнут руки от лопаты, которая снилась по ночам чаще, чем мать родная.

Весь июнь сорок третьего их полк стоял во втором, или даже в третьем эшелоне, солдаты не слышали ни бомбежек, ни обстрелов, а по вечерам было так тихо, что давило на уши, и «старики», словно оглохнув, ковыряли в ушах,

Была еще передовая, «передок», как называли ее некоторые молодые и бойкие. Сереже это слово сначала нравилось, было в нем что-то лихое, но после слов дяди Васи Овчинникова, его соседа по строю, перестал употреблять.

- Передок бывает у бабы, в крайнем случае – у машины, – сказал тогда дядя Вася,
- А там – передовая линия обороны. Там, сынок, смерть гуляет.

О смерти в их втором стрелковом взводе говорили редко. От греха подальше старались не вспоминать, но если уж и заходил разговор, то только в философском смысле. И молодые, вроде Сережи, в разговор не вступали, только слушали: как они соотносятся на фронте – судьба и смерть, кому она выпадает, и когда ее, по приметам, ждать. Получалось, что ждешь, а пронесло, не ждешь – тоже пронесло, а то и попало, раз на раз не приходится.

В это утро накормили их хорошо. Опять, конечно, перловкой, густой, словно и не на воде ее варили, а на росе, но дали досыта, и даже добавку повар предлагал.

Сережа, по обыкновению перед завтраком, подошел к батальонному повару, черному, как чугунок, узбеку, которого все звали по-русски, Мишя, с «я» на конце.

– Чего варишь, Миша? – спросил Сережа, заранее зная и предвкушая и ответ, и интонацию, которая его особенно забавляла.

– Кашю, – с достоинством и даже с гордостью отвечал повар, словно готовил невесть какое редкое и сложное блюдо.

Этот их короткий диалог повторялся каждый день не по одному разу, и Сереже не надоело спрашивать, и Мише не надоело отвечать. Одно время, рассказывал дядя Вася Овчинников, когда Сережа еще не прибыл с пополнением, Миша называл это варево пловом, но то ли свои, узбеки, втолковали, что не может быть плов без баранины, то ли он и сам догадался, но стал говорить «кашя», с не меньшей, правда, гордостью.

Сережа выскреб котелок ложкой так чисто, как и голодный теленок бы не облизал, и задумался: «А какое нынче число?»

– Дядя Вась, какой сегодня день?

– Вчера было двадцать второе июля, сегодня, стало быть, двадцать третье. А чего тебе, торопишься куда?

«Всё было пятнадцатое, шестнадцатое, а тут уж и двадцать третье...» – с удивлением подумал Сережа.

– Третий год пошел, а конца войне так и не видать, вкусно нажимая на «о», протянул дядя Вася, заклеивая «козью ножку», такую аккуратную, что Сережа всегда завидовал, как это она у него получается такой красивой. – Однако теперь стронемся с места. Немцу хода не дали нынче, стало быть, на лад дело пошло, не как тем летом.

Из сводок, которые им каждый день читал агитатор батальона, они знали, что гитлеровцы в наступление перешли пятого июля, главный их удар пришелся по соседней армии, третья неделя пошла, как не стихает гул и грохот на западе, а их полк, дивизия, и, говорили, даже вся их армия, ждут своего часа. Ждали – не значит, что сидели, сложа руки. Изо дня в день тактика со стрельбами, пешие марш-броски с полной выкладкой, так что и не замечали, как дни бежали. Бывалые солдаты ворчали, считая все это бессмысленным, молодые тянули лямку по привычке, заложенной в запасных полках, но все понимали, что лучше уж чем-то заниматься, чем просто сидеть в окопах и переводить напрасно табак.

– Становись! – эхом донеслась команда, – приготовиться к движению!

«Ну и солнце сегодня, какое-то жуткое. Эх, не видать мне тебя завтра...» – с тоской подумал Сережа.

– Дядь Вась, а если вот убьют меня сегодня?

– А ты, Сережа, не думай об этом. Будешь думать – скорее убьют. А и убьют, так закопают, не в сорок первом, теперь наверху не оставят.

«Закопают... Не оставят...» – повторил Сережа мысленно, холодея от предчувствия чего-то страшного.

– А тебе что, разве не страшно? Ведь в бой сегодня пойдём, неужели не чуешь?

– Как не чую, чую. Бывало и страшно, сынок бы ты той, да я себя еще в первый день войны в покойники записал. Как жена повыла... Простились, до того света. Живу, можно сказать, случайно. Из роты нас, посчитай, двое и остались, что с полком на фронт выехали. Это же с двадцать пятого июня... Под Могилев... Слово-то, какое – смертью и пахнет. А до конца войны, Сережа, разве довоевать, что ты, сынок. Еще не знаем, есть ли ей хотя бы половина.

Замолчали оба. Перед глазами – исцарапанные приклады, заношенные скатки, короткие саперные лопатки, стоптанные сапоги. Шли час, и второй, глотая пыль, поднимаемую сотнями ног, шли измятым танками гречишным полем – дышали сладким его духом, но ветром все чаще наносило гари, пахивало и кислым – порохов. Стороной прошли танки – серьезно, колонной, машин пятьдесят. С расплывающимся гулом, казалось – висят, очень медленно пролетели бомбардировщики, наши, на запад, и не всего три машины, как часто раньше видали, а все тридцать.

– Вот так-то повеселей будет, – кивнул дядя Вася на танки, – Не как в сорок первом. А то мы тогда не то, что не видели. А и не слышали, что есть такие танки Т-34, – оглянулся дядя Вася, – А то, бывало, идет батальон, а в нем полсотни людишек всего, еле ноги переставляем, и спать хотелось – всегда...

Да, батальон их сегодня выглядел внушительно – четыреста человек идут, только каски покачиваются. Все вооружение по новому штату, сила, и растянулись – последних не видать.

– Прибавить шаг, второй взвод! – услышал Сережа, и заметил справа вдоль строя их комбата, капитана Тарусина. Шел он легко, и походка у него была какая-то пружинящая, словно засиделся человек и вышел размяться.

На самом деле капитан Тарусин и не спал этой ночью, впрочем, как и все последние, а просто по старой пехотной закалке, кадровый все же, да и за пять армейских лет пар семь сапог, посчитай, износил, расходившись, шел все легче и быстрее. Весь последний день и ночь он был на рекогносцировке в части, которую его батальону предстояло сменить, а когда вернулся – еле держался на ногах, так набегался за день – сразу лег спать в блиндаж, завернувшись в шинель и не снимая сапог. Только разоспался – будит посыльный: приказ от командира полка. Посыльный долго его тряс за плечо, как раз, наверное, в это время ему и снились близкие разрывы тяжелых фугасов. Очнувшись, приказ он вроде бы прочитал, расписался и снова уснул. На рассвете его опять стали трясти – зам. командира полка по строевой и начальник артиллерии, спросили: «Готов батальон к выступлению?» – «К выступлению?» – с тревогой подумал Тарусин. Содержание приказа он просто заспал, и такого с ним давно не бывало. Смутно вспомнил только, что в начале приказа давались сведения о противнике.

Зам. командира полка отдал приказ построить батальон и поставил задачу на движение в район прорыва немецкой обороны. От всего этого у Тарусина осталось ощущение, что он упустил что-то очень важное, но батальон – шел, куда надо, а по ходу движения у него и голова помаленьку заработала, и настроение поднялось.

Поле и обочина проселочной дороги пестрели цветами, воздух был наполнен чересчур мирной, ласкающей истомой, а вдали видны и слышны были частые разрывы снарядов – они неотвратимо приближались к полю боя, и в голове у капитана Тарусина все больше свербилась мысль, что сегодня произойдет что-то предельно страшное. «Так ли я все делаю? – спрашивал он себя, – Не пора ли останавливать батальон и разворачиваться к бою?»

На марше связи со штабом полка у него не было, и поэтому чувствовал себя Тарусин забытым начальством.

Батальоном он командовал пятый месяц, воевал второй год, обычно чувствовал себя уверенно, знал, что ему делать, а тут – что-то всё не так пошло с самого утра.

– Батальон! Сто-ой! Привал! – подал он команду, и связному: – Командиров рот ко мне!

По колонне понеслись дублирующие команды и через несколько секунд строй батальона рассыпался – сотни людей одновременно повалились на обочины.

Сережа Кисляков, одуревший от жары и усталости, команды «Стой!» не услышал, и уткнулся было каской в мокрую спину шедшего вперед и бойца. Винтовка казалась с пуд, да и кроме нее амуниции было столько, что не каждый ишак унесет, ремни натерли тело до жжения, а в горле пересохло так, что слюну было и не проглотить, такая она была густая и горькая.

Заструились дымки самокруток, но Сережа свою сворачивать не стал: неохота было доставать кисет. Вообще не хотелось шевелиться. Даже руку протянуть до фляжки было тяжело. Как откинулся на спину, так и смотрел в ярко голубое небо с редко плывущими в нем словно разорванными взрывами снарядов хлопьями облачков, смотрел и думал: «Как бы угадать, убьют меня сегодня или поживу еще...».

– Кисляков! – подсел к Сереже командир взвода, младший лейтенант Ворошилов. – Ты в атаке держись Овчинникова, и ты, дядя Вася, поглядывай за ним.

– Хороший у нас лейтенант, ладный, – уважительно сказал дядя Вася, когда взводный отошел к другой группе бойцов, – Не то, что до него был зимой. Поглядели бы вы на него, ребятки – померли бы со смеху: до чего себя человек может довести. Никакой аккуратности не соблюдал – всё на нём, как на коле висело, всё грязное, будто его специально по дороге катали. Портянки сжег, валенки спалил, в шинели сзади дыра была – с голову. Сапоги – и то сжег, всё ему у костра было холодно, вот и сунул, спящий, в самый огонь. Нашли ему другие валенки – так и шеголял в них в самую распутицу. Ладно хоть ранило бедолагу, да и то – долго продержался, почти месяц. А этот – подходящий, как кадровый. Даром, что недавно из училища. Восьмой на моей памяти взводный...

– Ворошилов, – лениво протянул кто-то из лежавших бойцов, – А маршала ему не видать. Не бывало в истории, чтобы два человека с одной фамилией маршалами стали.

– Оно, конечно, маршалом ему, может, и не бывать, – сказал дядя Вася, – Потому как никто не знает, какая у кого судьба. Может быть, сегодня и похороним его, но человек он хороший и дело свое, как взводный, знает. Фамилию не посрамит.

Сережа Кисляков не один раз слышал от их взводного, чтобы он держался поближе к дяде Васе, заметил, что он всех молодых так во взводе распределяет, чтобы «старички» опекали по мере сил и возможностей. С дядей Васей Овчинниковым он и подружился за этот месяц, ощущал его порой, как отца родного. Таких, как дядя Вася, в роте, да и в батальоне было раз-два, и обчелся, и держать их надо бы как золотой фонд, подальше от огня, где-нибудь при лошадаках, при кухонках. Да, видно, места эти были заняты теми, кто половчее.

Родом дядя Вася был из Горьковской области, говорил на «о» – «постой», «погоди», «однако. Не торопясь, с выражением, как сказала бы их учительница литературы в школе.

Еще в мае ранило, был случай, повара. Зовут Овчинникова дядю Васю: «Сможешь временно?» – «Могу. Бывало, на покосе и всё сами варили».

Для ремонта амуниции кожа потребовалась сыромятная – где взять? Опять к нему. – «Могу. Бывало, дома кожу и всё сами выделывали». Расковалась лошадь в батальонном хозяйстве – где мастера найти? – «Могу и это. Дома, бывало, и всё сами ковали». Для кухни понадобились вёдра, тазы, печки – где взять, из тыла не дождешься, – «Сможешь, дядя Вася?» – «Могу, бывало, дома железные печки и трубы сами делали». Зимой еще – лыжи понадобились, а где взять их на фронте? – «Могу. Дома об эту пору на медведя ходили, так лыжи всегда делали сами». У ротного часы карманные встали – опять к дяде Васе. – «Могу и часы, только надо хорошо посмотреть».

Да что там говорить, когда он и ложки-то наловчился отливать! Мастер – на любое дело, все у него выходило так ладно, как будто само собой и делалось. А весной он такие драники из гнилой картошки на куске ржавого железа пёк, что ротный не побрезговал попробовать, и даже полковой врач.

«Конечно, от пули он не защитит, – думал Сережа, – но и зря пропасть не даст».

Уважали дядю Васю, но однажды потешалась над ним вся рота целую неделю. Кто-то умный придумал вести переписку с тыловыми девчатами, и вот Спиринов, из их взвода боец, парень был из Ивановской области, написал на текстильную фабрику, что, дескать, бойцы немцев бьют, но во время затишья скука. Курить надоедает, сказки все пересказали вдоль и поперек, газеты прочитываем от корки до корки, короче – надобно стахановок, и всей роты фамилии на фабрику и послал. Когда с тыла посыпались письма, все были озадачены, но особенно дядя Вася. Писала ему семнадцатилетняя девушка Валя: «Товарищ боец! Будем знакомы и впредь писать друг другу письма». Дядя Вася фыркнул в усы не один день: дома у него своих две таких остались, как он говорил, мокрощёлки, и ему, сорокалетнему мужику семнадцатилетняя: «Будем знакомы!»

Многие бойцы тогда начали вести переписку, хвалились друг перед дружкой

фотокарточками, иные читали письма от тыловых заочных подруг вслух, бывало, что и ответы сочиняли, чуть ли не всем взводом.

Серее Кислякову никто не писал. В роту он прибыл, когда переписка была в разгаре, да и что писать, просто не умел. Девчонки до войны по младости лет он завести не успел, в войну же было и вовсе не до них. И на танцах-то был всего один раз, когда в дивизию приезжал бас Сергей Балашов, давал концерт. Тогда их батальон приводили на поляну. Настолько непривычно было слушать оркестр и видеть людей в штатском, что потом все целый день ходили, как блаженные и улыбались, сами, не зная чему. Тогда и станцевал Сережа в первый раз в жизни, в паре с Антошей Савченко. Грустно было думать, что начинается молодость, а у них она будет на войне, и доведется ли хотя бы поцеловаться с кем-нибудь...

Оглядываясь назад, Сережа сам на себя удивлялся: как он повзрослел за эти два года войны. А был-то – пацан совсем, школьник, хотя и с ворошиловским значком. Набрался и просто житейского опыта: научился быстро резать мороженный хлеб, защищать ноги от холода, подкладывая в сапоги рубленую солому, укрываться от дождя, солнца и мороза, пользоваться одной шинелью, как периной, одеялом и подушкой, спать на противогазе и винтовке, быстро маскироваться, отстирывать грязные портянки, зашивать порвавшееся обмундирование, внимательно стоять на посту, когда твои товарища отдыхают.

Сколько раз он удивлялся: как умеет русский человек мгновенно приспосабливаться к любым условиям. Бывало, в запасном полку, где-нибудь час постоят, даже в зимнем поле – и уже обжились, почти как дома. Сколько раз было, что выведут роту куда-нибудь в лес на ночь, взводный скомандует: « Первое отделение – расчищать площадку для костра, второе – дрова заготавливать, третье – лапник». Каждый знал свое дело четко, работали без суеты, но быстро, и через полчаса все уже сидят на расчищенной от снега площадке у огонька, сушат портянки, греют спины. А ведь до этого – посмотришь на мрачный заснеженный лес – жутко, и как здесь ночь прокоротать! Весной закапывались и в грязь, и бывал тот окоп, политый своим потом, родней домашней печки, когда просидишь в нем часа два и обживешься, и как жаль бывает из него уходить...

– Становись! Заправиться! Оружие и снаряжение – к осмотру! – понеслись над полем команды.

Все закричали, с усилием отрываясь от земли, жадно докуривали бычки.

– Барсов! Опять спит! Растолкать его быстро!»! – приказал младший лейтенант Ворошилов, – Опять последние из-за него строимся.

Рядовой Барсов, здоровенный толстяк, на которого все удивлялись – с чего это он в такую пору раздобыл и никак не худеет, имел обыкновение укладываться похрапеть при первой возможности и при этом никогда не выбирал места – снег ли, пыльная обочина, а то и грязь. Зимой, рассказывали, и на убитом немце ночевывал. Был он до того широк в талии, что зимой один ремень на телогрейку на нем не сходился, и немало было любопытных, что подходили и спрашивали: « Это на тебе два ремня, парень?» Он действительно, зацепив пряжками, носил на пузе два ремня. Командиры от него отступились, даже полковые: « Все равно в бой, а там, глядишь, и ухлопают этого чудака».

– Комбат идет! – пронеслось по рядам, и строй замер.

Барсов, однако, был уже в строю: подниматься и отряхиваться он наловчился так же быстро, как и засыпать в любом положении.

Капитан Тарусин, обходя строй батальона, остановился напротив третьего взвода.

– А это что? Командир взвода! – Тарусин, не находя слов от удивления, смотрел на маленького бойца-казаха, обутого в... валенки.

Боец начал что-то быстро лопотать по-своему. Стоявший рядом другой его землячок, такой же раскосый парнишка, с трудом подбирая слова, перевел:

– Валенка надел – ботинка хреновая...

Последнее слово перевода боец сказал, нимало не смущаясь, на эту же букву, но качественно точнее, и Тарусин совсем обомлел. Взвод сдержанно хохотал, а эти двое казахов смотрели на него детскими глазами и Тарусин не сразу понял, что это не хулиганская выходка, а просто низкая квалификация переводчика-самоучки.

– Товарищ капитан, – подошел командир взвода, – Он ноги натер в сапогах, пришлось валенки найти. Я ротному докладывал.

– Да, но ведь июль же месяц на дворе! А ну как в плен таким попадет! Чего потом немцы растреляют: « У русских сапог уже нет, в валенках летом воюют!» Впрочем, – махнул рукой Тарусин. – Пусть идет так. – «Может быть, парню скоро и не понадобятся сапоги», – и от этой нехорошей мысли стало тошно.

В батальоне у него едва ли не треть были призывники из Средней Азии. Работать с ними было потяжелее, чем с русскими или с украинцами, и не только из-за незнания языка, но Тарусин давно привык к этому и воспринимал странных азиатов как неизбежность на этой войне.

В конце зимы, когда к нему в батальон прислали много узбеков и казахов, сначала потери среди них были большие. Если, бывало, случайной пулей или миной убьет кого-нибудь, по траншее сбегаются к нему земляки и ну вокруг лопотать и крутиться, забыв о маскировке, немец туда еще пару мин. Пока не огляделись да не пообтерлись на передовой, немало пришлось ними Тарусину горюшка хлебнуть. Одного такого «воина» выкрала немецкая разведка, и ладно бы с передовой ячейки, а то ведь где взяли: получил на кухне котелок перловки, побрел, видно на радостях, не в свою роту, а куда-то в сторону, и угодил прямо на немецких разведчиков. Тарусину тогда за исчезновение боевой единицы дали трое суток ареста, хотя боец этот вернулся на следующий же день и с тем же котелком. Только вместо перловки в котелке была гречневая каша – дескать « у нас лучше кормят», и записка: «Нам не язык, и вам не воин». Действительно, что он мог знать, какие там военные тайны, в лучшем случае – сколько его земляков во взводе. Казахи после этого случая, чтобы утешить командира, приготовили бешбармак, из лошади, убитой шальным снарядом в этот день, как по заказу.

Когда Тарусин понял, что казахи и узбеки, в общем-то, добросовестные и выносливые ребята, то стал доверять им даже больше, чем иным русским.

Тарусин прошел вдоль строя батальона, вызвал к себе ротных, минут пять объяснял им дальнейшие их действия, а потом посмотрел на свои часы и отправил их к своим взводам.

Батальон развернулся в ротные колонны и пошел дальше, навстречу все громче слышимым выстрелам и разрывам.

– Теперь скоро, дядя Вася? – спросил Сережа.

– Раз в ротные колонны развернулись, то, смекай сам, не больше как с полверсты до исходного для атаки... – спокойно ответил дядя Вася. – Да ты и сам смотри по сторонам. Наши позиции проходим, стало быть – за кем-то в затылок нас вводят, развивать успех, как наш Ворошилов говорит.

Прошли одну линию старых окопов, вторую, аккуратно и не торопясь вырытые, даже покинутые людьми, они казались обжитыми. Дальше было открытое с редкими кустами поле, и совсем показалось близко сражение, когда перевалили бугор с нашими окопами – сколько охватывал глаз – какая-то уже не такая земля: вся истыканная воронками. Справа рядом стоял наш подбитый танк, возле которого на корточках сидели два танкиста, еще дальше – второй, и хорошо были видны серые бугорки на обгоревшей траве, словно снопы, разбросанные бурей. Оттуда, куда они шли, не стреляли, но по сторонам хорошо были слышны приглушенные зноем пулеметные очереди и редкие разрывы снарядов. Потом развернулись во взводные колонны, прошли еще метров двести, развернулись в цепь и по команде залегли.

В животе у Сережи стало холодно, словно ведро воды выпил, ноги сделались, как ватные, а руки, наоборот, так сцепили винтовку, что, казалось, не расцепить пальцы, чтобы передернуть затвор.

– А где же немцы, дядя Вася? Ничего я не вижу.
– Отсюда и не увидишь. Там они, на бугре, должно быть. Деревушку видишь за кусточками?

– А где же те, что впереди нас шли? Неужели...

– Кто-то лежит сзади, видел сам, а остальные, наверное, по сторонам отползли, нам дорогу дают. Покури, Сережа, скоро теперь...

– У меня махра кончилась, вчера последнюю извел, крошки остались. Да и не надо, дядя Вася.

Сережа курить толком не выучился, растягивать табак не умел, а вчера с утра почти весь обменял на кусок сахара.

– Дядя Вась, а что же артподготовки нет?

– Так с утра же садили, не слыхал разве? Может, это и была артподготовка. Или, думаешь, для нашей роты тебе огневой вал сделают?

– А танки, что нас обгоняли, куда делись?

– Я же не на небе сижу, что мне все видно. Что ты все спрашиваешь понапрасну? Может, они в другое место пошли, куда поважнее.

– Вот бы «Катюши» сейчас сыграли... Ты видал их, дядя Вася?

– Как не видал, и над головой сколько раз летали. Это, конечно, сила, что тебе Илья-пророк.

Сережа чуть приподнялся, оглядываясь по сторонам – вся их рота, растянувшись метров на триста в линию, видна была хорошо. Тускло зеленели каски, все лежали в готовности подняться, слово вот-вот будет команда «Вперед!»

Над головами зашелестели снаряды, сзади отдало эхом, словно лопалось что-то огромное и туго натянутое. Разрывов не было видно, но чувствовалось, что снаряды ложатся плотно.

– Ну, вот и бог войны нам помогает! – сказал дядя Вася, – Ничего, Сережа, это только вставить сейчас будет трудно, а разбежишься – страх пропадает. Ты за мной поглядывай.

– Рота-а! Взво-о-од! В атаку-у! – понеслись над полем команды, и не успели они смолкнуть, как сотни людей почти одновременно поднялись и с первых же мгновений набирая скорость, побежали вперед, не очень-то разбирая – куда точно, к какому ориентиру, главное – быстрее.

Сережа поднялся вместе со всеми, успев ощутить, что он оставил что-то от самого себя на том месте, где лежал, и побежал, всем существом сжавшись, и, казалось, чувствуя себя слитым с плотной единой массой своего батальона. Через минуту зашло дыхание, заломило десны, подсумки с патронами и лопатка мешали бежать, каска то и дело сползала на пол, по лбу ручейками потек пот, даже глаза были мокрые, и он, то и дело поправляя каску, совсем забыл про свою винтовку, что, наверное, уже надо стрелять, но вот куда – ничего впереди не было видно, все перед глазами расплылось и ходило ходуном.

– Сережа? Бежишь?

– Бегу, дядя Вась! – то и дело перекликались они.

Какое-то мгновение было чувство, что они бегут из всей роты вдвоем – соседи отстали, а оглянуться на бегу не было времени.

Раза три или четыре Сережа пробегал мимо наших убитых, еще в первой атаке, а один из лежавших, с огромным бурым пятном на животе, подняв руку, не голосом, а словно нутром – попросил: «Браток, добей...», но Сережа, словно ему сзади неожиданно наподдали хлыстом, побежал дальше.

Стал видеть мгновенные вспышки выстрелов, сквозь дым и пыль трудно было разобрать точно – откуда, стрелять было бесполезно, да Сережа и забыл, что винтовка у него должна стрелять.

– Ложись, Серега! – слышал он крик дяди Васи.

Мгновенно упал, машинально перекатился в сторону, как учили, и, упершись носками сапог в землю, изготовился к стрельбе. Только тут он и увидел людей в не такой, как у них форме – темнее, и в других касках. Были они не более, как в ста метрах перед ним – человек пять-шесть, у самых домов этой деревушки, куда они так быстро и незаметно для себя выскочили.

Немцы, кто с колена, а кто и стоя, подавшись назад, словно вот сейчас выпустят магазин, развернутся и побегут назад, били, казалось, прямо по глазам – так близко и так прямо взблескивали огоньки выстрелов.

Сережа выстрелил подряд три раза, почти не целясь, по немцу, что бил с колена. Свои выстрелы – первые – показались ему такими громкими и резкими, что заглушили весь треск боя вокруг. Он словно только сейчас включил зрение и слух – таким было напряжение и отрешенность атаки. Немец не падал. Сережа выстрелил еще три раза подряд, ругая себя, что мажет. В общем-то, он хорошо стрелял раньше, не на пятерку, но нормально, а тут только с восьмого патрона все же свалил этого немца. Все его внимание, весь мир сузился в эти секунды до прорези в прицеле, и он не видел и не слышал, что делают остальные его товарищи и где дядя Вася. Только когда немец куркнулся вперед, роняя автомат, Сережа оглянулся по сторонам, но всего лишь на мгновение – дядя Вася лежал метрах в пяти и тоже стрелял. Слева и справа лежали несколько бойцов их взвода, сзади побегали еще.

– Сережа! Ты живой?

– Живой, дядя Вася!

– Вперед! Не лежать! Двое – Савельев и Козлов – вдоль хаты – вперед! – услышали они сорванный голос их лейтенанта Ворошилова.

Поднялись, еще бросок метров на двадцать, залегли. Сережа упал неподалеку от убитого им немца – хотелось посмотреть, кого он убил. Немец оказался примерно одних с ним лет, мундир расстегнут до ремня, сапоги короткие, в пыли. Сережа несколько раз посмотрел на него, хотел что-то понять, но не смог. – « Не я его, так он бы меня... ». И все-таки было не по себе, что он только что убил человека, хотя и фашиста.

– А-а! – услышали они крик, а скорее – вопль.

В Савельева, который пробирался вдоль стены дома, выпустил очередь из «шмайссера» выскочивший из-за угла немец. Он сам тут же сел от чьей-то пули, бойцы взвода побежали было дальше, через улицу, но из-за домов гитлеровцы стреляли прицельно и все атакующие вернулись на занятую раньше часть улицы.

На несколько минут стрельба с обеих сторон стихла, все, словно опомнились – «Что они делают!», и начали, кто со страхом, а кто и с радостью, что живой, осматриваться по сторонам.

Сережа упал посреди пыльной улицы, но, увидев, что по сторонам его никого из своих нет, ползком вернулся за бугорок. Возле убитого Савельева сидели на корточках трое, в том числе дядя Вася.

Если бы не расплывшееся, еще не успевшее потемнеть пятно и дырки от пуль на груди, то Сережа бы не поверил, что Савельев мертв: лежал он, словно крепко спал, в нормальной позе. Лицо не было искажено болью, волосы шевелились от ветерка, открытые глаза, не мигая, смотрели прямо на солнце.

– Еще дышал немного, – тихо сказал кто-то, – А голова уж как у воробья подстреленного... Да-а, не ему бы погибать: пятеро ртов дома остались. Рука не поднимется написать...

Немец, который убил Савельева, лежал у дороги, слабо перебирая ногами – ему смерть досталась медленная.

– Почему сидим? – подошел, пригибаясь, младший лейтенант Ворошилов, – Убитых никогда не видели? Приготовиться к атаке!

Капитан Тарусин в начале атаки батальона, когда все роты поднялись дружно и пошли быстрее, чем он даже хотел, приободрился было, но ощущение, что что-то с ним случится –

не покидало его. Во рту был незнакомый доселе металлический привкус, словно смерть была уже в нем.

С радистом и связными от рот он быстро передвигался за атакующими цепями. Еще издали заметил, как впереди, справа за ложиной, из-под танка работает немецкий пулемет, приказал оказавшемуся рядом расчету сорокапятки подавить его, под танк попали с первого же выстрела, для гарантии дали и второй. Тарусин перебежками стал продвигаться ближе к цепям, чтобы лучше видеть поле боя – а он кипел по всему фронту, мелькали фигурки солдат, то и дело вставали и медленно притягивались к земле разрывы.

В деревне он заметил высокую кирпичную трубу, подумал еще, что наверняка там должен быть пулемет и от этого затащил перебежку – последние несколько метров он и понимал, что лихачит. В левом бедре, а он ее, эту боль, словно и предчувствовал, возникла такая боль, что он, не владея собой, упал. Ногу как будто кто-то скручивал винтом со страшной силой. Закрутился, пытаясь так унять боль, но она только усиливалась. Подбежал боец – за расстегнутым воротом гимнастерки матросский тельник – потащил ползком. Тарусин, не жалея пальцев, хватался за траву, помогая ему. В голове же, снимая боль, стучала мысль: «Как же так, как теперь батальон? В самом начале, обидно... Кто догадается быстро заменить...»

А батальон, вернее то, что от него осталось после первого яростного броска, в коротких беспощадных схватках выбил немцев из этой деревушки и на несколько минут залег на огородах, переводя дыхание.

Заменивший раненого Тарусина капитан Сергей Власов, его зам. по строевой, снова поднял батальон, и люди, сбившись группами по несколько человек – это то, что осталось от взводов, перемахнули через ложину, сбили очумевшие остатки роты немцев с высоты и вышли к другой деревушке, перед которой хорошо были видны траншеи. Здесь атакующих поджидали другие немцы, свежие и с пулеметами.

До траншей было всего метров триста, но преодолеть это расстояние ни на втором, ни на третьем дыхании, да еще под огнем – было пока невозможно.

Сережа Кисляков упал лицом в траву, не думая, чтобы упасть поудобнее – как лег, так и ладно. Никак не удавалось установить нормальное дыхание, ломило дёсны, рот забило пылью, тело – мокрое от пота, что и тусы прилипли, ноги одеревенели от напряжения, хотелось охать и стонать. Он ничего не понимал в тактическом замысле командиров, откуда ему было знать, что их полк к вечеру должен был занять станцию Змиевку, а потом идти на Кромы, обходя Орел стороной, отчего, когда другим дивизиям дадут почетные наименования, у них шутники окрестят свою «Мимоорловская».

Он ни о чем не думал вообще все это время, а только падал, бежал, стрелял, поднимался – делал все так, как и хотел от них в итоге на тактике их ротный, и только иногда с удивлением понимал, что еще дышит. Позади остались столько его товарищей, с кем утром он шел к передовой, что от одной этой мысли немело сознание и собакой хотелось завывать.

– Чего лежишь, Сережа? Окапывайся давай! – услышал он голос дяди Васи.

Сережа нащупал на бедре лопатку, вытащил ее из чехла и с усилием вонзил в землю. Обстрел усиливался, все чаще и чаще вокруг с противным визгом стали рваться мины, и Сережа, не столько лопаткой, сколько руками, обрывая ногти, выкопал под собой ямку.

По деревне, что просторно раскинулась впереди, разгуливали два «Тигра». Они то и дело били с места по залегшему батальону, так, что лопался воздух, и снаряды оставляли на поле огромные дымящиеся ямы. Сережа видел, что справа на соседей, далеко, правда, из-за бугра выползло штук шесть танков или самоходок, и с облегчением подумал: «Хорошо, что не на нас...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.